

ДМИТРИЙ ВОЩИНИН

Крымские
рассказы

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Дмитрий Вошинин 2019

© Skleněný můstek s.r.o. 2019

ISBN 978-80-7534-238-6

Содержание

Скамейка Синани

Художник

Часть первая

Глава первая – Поиск пути

Глава вторая – Любовь, как провидение

Глава третья – Одержимость в творчестве

Глава четвертая – Сподвижники, друзья

Глава пятая – Любовь к птицам

Часть вторая

Глава первая – Домик у Черного моря

Глава вторая – Великий промоутер

Глава третья – Наследие. Ученики, словно собственные дети

Январь 2019

Крым сегодня

Скамейка Синани

Пройдя вниз по окутанному туманом парку с криками лесной горлицы и глухим оханьем местной совы, Гранин вышел на безлюдную набережную.

Наполненный живительной сосной воздух приятно и свободно проникал в легкие.

Белесое небо раннего утра с едва заметным ореолом солнца тихо пробуждало чувства и желания нового дня.

Он спустился к тихой ласкающей воде. Пропитанная прохладой моря атмосфера слегка щекотала ноздри. Влажный песок поскрипывал под ногами.

«Скоро он превратится в обжигающую пыль и вместе с жарой до конца дня завладеет этим красочным и нежным островком умиротворяющего спокойного моря» – с некоторым сожалением подумал он.

Немолодой, но еще стройный мужчина отдыхал уже неделю здесь, в Гурзуфе, в объятьях морского бриза, ласкового солнца и наслаждался целительной крымской природой.

С момента прибытия в санаторий он сразу почувствовал, как не хватало ему этой благоуханной и необычной красоты. Казалось даже, что и Крым ждал его и так же радовался долгожданной встрече.

Гранин бывал здесь перед окончанием школы с отцом, приезжал сюда «дикарем» после службы в армии, потом студентом в преддверии будущей наполненной надеждами жизни. Невольно предаваясь воспоминаниям, он вдруг остро ощутил ту неоправданную суету жизни, которая заставила его на долгое время забыть и прервать общение с этими прибрежными красотами.

Глядя на уходящий вдаль синий горизонт, он чувствовал, как будто вернулся в родные места юности, в ощущение молодости и ясно понимал, что его душа оставалась здесь всегда и теперь будто заново ожила, наполнялась новыми надеждами.

Словно изголодавшийся по родным местам путник, он удивлялся постоянно меняющимся краскам безбрежного моря. Они двигались к берегу из темной синей пучины, от горизонта.

Отдаляясь от него, водная гладь светилась яркой глазурью с зеленоватыми оттенками и постепенно переходила в широкую прибрежную нефритовую полосу с ласкающими глаз барашками волн, а уже совсем близко становилась прозрачной, оголяя крупные подводные камни и нежно омывая пляжный песок.

Гранин заворожено смотрел на выходящий с Аюдага круто отесанный горный осколок, отбросивший в воду две непохожие друг на друга скалы. На фоне громадной фигуры зверя-исполина они казались забавными и разными по характеру братьями-медвежатами.

Вдалеке чуть ниже горизонта был заметен круизный теплоход, казавшийся издали крохотным и беззащитным на фоне морской стихии.

«Как он похож на нашу скоротечную жизнь – эту вечно движущуюся куда-то песчинку мироздания в необъятной вселенной...» – невольно промелькнуло в его голове.

Мужчина прошелся по пляжу, по крутым ступенькам вновь поднялся на набережную и медленно пошел вдоль моря. В преддверии жары оно уже начинало немного волноваться.

Гранин повернул обратно. Прибрежные платаны, строгие кипарисы зашевелились от дуновения слабого ветра, а цветущий миндаль ответно вторил нежными запахами весны. Подойдя к воротам санатория, он не спеша пошел вверх вдоль шумящей речки между реликтовыми соснами, можжевельником и лавровым кустарником гурзуфского парка.

Накануне, знакомясь с изданиями о достопримечательностях Крыма в местном киоске, Гранин наткнулся на красочно оформленную книжку «Антон Чехов. Письма из Ялты». Он с удовольствием полистал издание и с большим интересом узнал и об опубликованном недавно дневнике Синани – владельца старинной книжной лавки в Ялте, где в конце XIX и начале XX века он с успехом продавал книги русских писателей. Большинство из них, в том числе Чехов, Куприн, Горький, Бунин, именитые художники того времени оставили там незаурядному книголюбу свои записи и краткие впечатления. В книге упоминалось о примечательной оборудованной хозяином широкой скамейке около магазина, где часто сидели и беседовали мастера слова. Было любопытно узнать, что Синани искренне дружил со многими из них, и Антон

Павлович за три дня до своей смерти написал ему теплое благодарственное письмо из далекой Германии.

«После завтрака поеду в Ялту» – решил он, – «Надо найти этот книжный магазин и скамейку».

Ялта встретила Гранина мягким, уютным дружелюбием и на редкость спокойным восточным гостеприимством. Он заглянул на обширный и разноликий базар, где размеренная жизнь, будто из прошлого, шла своим устоявшимся ненавязчивым чередом.

Окутанные южной зеленью дороги вели вниз к морю.

Он спросил у прохожих о местном книжном магазине.

– Кажется, в самом начале набережной, – ответили ему не очень уверенно.

Выйдя на широкую набережную, Гранин сразу ощутил ее величие и неповторимую красоту. Своим простором и разнообразием архитектуры она скорее походила на городской проспект, где перспектива моря была его важной составной частью. Именно здесь остро чувствовалось, что Ялта – особенный крымский город со свойственным только ему простором, внутренней теплотой и необычной свободой. Сидящие на набережной рыбаки и множество шхун на фоне силуэтов кораблей гавани дополняли это живое умиротворение жизнью ее обитателей.

Широкие платаны, кипарисы, ухоженная прибрежная растительность, строгие и красивые здания, выходящие на набережную, наяву подтверждали многочисленные упоминания о городе, как о жемчужине Крыма.

Сразу бросалась в глаза насыщенная здешняя архитектура, которая на протяжении нескольких веков впитала с себя курортные традиции восточной и западной культур и оттого казалась предельно изящной и одновременно не лишенной прелести европейского стиля.

Он быстро нашел в начале набережной довольно крупный книжный магазин, но ни продавцы, ни покупатели не смогли подсказать ему об известной в начале века книжной лавке Синани. О знаменитой скамейке перед входом тем более никто не знал.

Идя по широкой набережной, Гранин продолжал спрашивать об этом у продавцов сувениров, книг и журналов и даже у казавшихся местными прохожих. Но люди пожимали плечами и лишь с любопытством смотрели на пожилого мужчину.

Одна преклонного возраста продавщица газет безуспешно пыталась вспомнить и посоветовала искать недалеко от Морской улицы. Там Гранину сказали, что знают только библиотеку имени Чехова, находящуюся в 5-ти домах от набережной.

«Ну, уж в библиотеке наверняка знают об этом хорошо», – с надеждой подумал он.

Однако и там миловидная девушка-библиотекарь ничего не могла сказать о магазине Синани.

Заметив расстройство собравшегося было уходить мужчины, она участливо произнесла:

– Знаете, наш архивариус, – указывая наверх, произнесла она, – Наверняка знает про это.

Поднявшись на второй этаж, Гранин нашел заветную дверь. Он зашел в просторный кабинет, в самом углу у окна заметил небольшую фигуру девушки, похожей на подростка. Приблизившись, сразу понял причину необычной фигуры, связанной, видимо, с последствием раннего паралича.

– Синани... сейчас погодите, – достала она уже знакомую Гранину книгу о Чехове «Письма из Ялты».

– Прекрасно! – невольно произнес он.

– Ничего прекрасного в этом нет. Вы меня очень отвлекаете, – строго посмотрела молодая женщина.

– Неужели вам неинтересно самой?

– У меня масса работы, а вы меня отвлекаете.

Мужчина недоуменно молчал, не понимая.

– Подождите, – вдруг встрепенулась она, как бы противореча своим словам – Посмотрим по карте конца XIX века.

Она нашла нужную книгу.

– Это бывшая гостиница «Париж», – двигала она по странице маленьким пальчиком, – От Морской следующая улица к центру. Вот тут, в 10-15 метрах от зданий набережной, – уверенно показала она.

– Спасибо, – промолвил Гранин.

– Ужасно много работы, – опять недовольно повторила молодая архивариус.

«Как-то неуместны и непонятны эти слова» – подумал он.

Выйдя из библиотеки, Гранин опять спустился к набережной, попав во власть фешенебельных магазинов, торгующих зо-

лотом и украшениями. Он не стал спешить и решил осмотреть все вокруг. Налево от Морской располагалась улица Краснова. Она начиналась оставшимся, видимо, от прежних времен красивым необычным зданием. В нем царствовала фирма «Persona Grata», призывая туристов к турам по экзотическим странам, по краям здания стояли привлекательные фигуры каменных голов, будто с острова Пасхи. Дальше улица красиво уходила вверх и касалась невысокого каменного парапета городского парка.

Справа от Морской, куда направляла архивариус, была улица поуже, на ней тоже располагались здания старой постройки. Прямо перед ней красиво пестрели громкими названиями магазины: «Крым-Золото», «Shaled», «Domino Eight», «Monet». Выше над ними просматривалась осовремененная старинная открытая летняя терраса. Справа в начале небольшой улочки располагался банк. Слева она была застроена временной фанерной конструкцией, на стене которой значилось объявление – реконструкция магазина одежды «Daniell».

«Видимо, очередной бутик, хотя может быть и что-то другое...» – подумал Гранин.

Угол обозначенного на старой карте дома находился немого глубже черты сегодняшних начальных строений набережной. Теперь здесь не было никаких следов магазина Синани.

Пройдя несколько шагов, Гранин увидел, что на указанном месте теперь находился красивый бар с каменными столбиками ворот при входе.

Он прошел мимо них, смело открыл дверь и вошел. Приятная обстановка, тишина и никого кругом. Неожиданно появилась молодая девушка в строгом костюме.

Гранин обрадовался и начал задавать вопросы об искомом старом магазине.

Девушка молча слушала, довольно тупо глядя на клиента. Она ничего не знала о предмете расспроса. Глаза ее ждали заказа.

Гранин понял это довольно быстро:

– А у вас можно заказать бокал хорошего вина?

– Конечно, проходите к столику, – радостно и удовлетворенно смотрела она, – Какого желаете?

– Хереса... массандровского, – нерешительно произнес клиент, даже не спросив меню.

– Открыть бутылочку? – оживилась девушка.
– Пожалуй, грамм двести хватит.
– Мы не продаем в розлив, – он уловил небольшой холодок в глазах официантки.

– Я доплачу, – отреагировал посетитель.

Гранин сидел у широкого окна с видом на море. Через минуту красивый бокал, наполненный чуть выше половины, стоял перед ним. Глоток хереса был сказочно приятен, и после долгих поисков он сразу поднял настроение. Гранин вновь посмотрел на набережную и смерил глазами расстояние, вспомнив старую карту.

«А ведь именно здесь и находилась эта заветная скамейка», – подумал он.

Мужчина с удовольствием сделал еще два небольших глотка, прищурился, отвел глаза в сторону. Будто наяву перед ним вдруг предстали Толстой и Чехов, сидящие около торгового дома книги, фасад которого напоминал русскую избушку.

Внимательный взгляд скромного человека в пенсне с едва заметной улыбкой доверительно внимал даровитому мастеру:

– Жизнь удивительна и многообразна, дорогой Антон Павлович, и чем больше живу на этом свете, тем более не перестаю удивляться этому. С каждым годом все больше желания глубже познать ее безграничность. Скажу больше, я уверен, что и смерти-то нет, как таковой...

Толстой вздыхает и на выдохе продолжает:

– К сожалению, мысли людей больше заняты собственным материальным интересом, а радость окружения природы и самой жизни ускользает, будто вода в песок. Человек не понимает себя и теряется в своей слабости.

– С этим трудно не согласиться, но именно здесь меня от всего этого успокаивает необыкновенный морской простор и живительный воздух. Я даже грешным делом купил в Гурзуфе небольшой клочок земли со скальным выходом к морю. Смотришь на него утром или рыбачишь один недалеко от берега и радуешься, как оно прекрасно и живо...

– Завидую вам....Прибрежные скалы, солнце, ласковый ветер – настоящая жизнь.

– Но по мне оно вовсе не так романтично, а скорее даже несколько приземлено напоминает, как хрупка, скоротечна и зависима от природы человеческая жизнь.

– Спасибо вам. Я порой не могу отделаться от некоего пафоса. Это в своем роде мое навязчивое наваждение.

– Лев Николаевич, а я этот ваш пафос бесконечно люблю, когда в гурзуфском парке представляю молодого Пушкина, пишущего свои изумительные русские сказки, думающего о наполненной реальным провидением поэме «Руслан и Людмила», но во мне, как дьявол, сидит простой человек... И в нем для меня своя неповторимая музыка.

– Завидую вам. Видно, я из прошлого поколения. Что-то уже не в силах ощутить. А так хочется все охватить ясно и глубоко. Это невозможно без обновления. Поневоле проникаешься недоверием, некой педагогикой к молодым. Как она вредна и даже стала ненавистна мне... Вот уже много лет переписываю один рассказ о южном характере, о Кавказе. Он могуч и сразу не очень понятен нам, живущим в умиротворении. Но поразительно, что совсем не случайно русский человек в этих местах находит свою душевную отраду. По крупичкам нащупываю эту скрытую истину, так хочется четче выразить суть... И не уверен, что скоро буду печатать.

– Мне кажется, нельзя думать долго об одном сюжете. Я стараюсь завершать рассказ или пьесу как можно быстрее, иначе своими глубинными сомнениями можно привнести искажение во все, что живет вокруг нас...

– Пожалуй, это верно. Согласен, что, несмотря на неоднократно обдуманное собственное суждение, надо писать быстро, полагаясь, может быть, даже больше на ежеминутные впечатления... «Севастопольские рассказы» я писал именно так... Возможно, в этом и вся соль нашего ремесла.

Из книжной лавки выходит хозяин – Синани, за ним следует молодой и стройный Бунин.

– Лев Николаевич, – обращается владелец магазина к метру, – По традиции я пристаю к своим любимцам с убедительной просьбой написать что-нибудь в мою тетрадь отзывов.

Знаменитый писатель немного теряется, отстраняется от ее красивого дерматинowego переплета и разводит руками:

– Что же написать? Не знаю, ...Антон Павлович, может, вы?

– Я тоже не могу так сразу, хотя безгранично люблю и этот дом, и хозяина и эту невероятно удобную лавочку для общения... Иван Алексеевич, уж лучше вы, как самый молодой... наша надежда.

Синани неожиданно парирует:

– Он уже написал мне полгода назад.

Бунин берет красиво оформленную тетрадь, находит свои строки, датированные февралем, и передает Чехову.

– Замечательно! Я тоже хотел написать именно так, – восклицает он.

Толстой берет из его рук импровизированный альбом и тоже с неподдельным удовольствием читает:

«В Ялте зимнею порой
Только море и Синани.
Бродят тучки над горой,
Остальное все в тумане».

– Как просто и верно, молодой человек. Да, вы настоящий продолжатель нашего дела...

Заметив, что немного смутил Толстого, Синани прячет тетрадь вишневого цвета за спину.

Он знает, что писатель, поправляя здоровье, гостит у княгини Паниной, и еще не раз заглянет в книжную лавку.

На лице Льва Николаевича заметно скользит внутреннее напряжение и недовольство собой:

– Пойду я, господа, через Верхнюю Ореанду по своей любимой тропе в Гаспру... Софья Владимировна просила не опаздывать к обеду.

Он прощается со всеми, крепко и как-то индивидуально глядя в глаза, пожимает руку каждому.

– Всего доброго, Иван Алексеевич, – неподдельно радуясь молодому человеку, говорит он напоследок.

Провожая взглядом удаляющегося Толстого, Синани кладет тетрадь на колени, садиться на лавочку и приглашает последовать примеру Бунина.

– Я уж постою, сидеть положено здесь могучим мэтрам и хозяину.

– Не скромничайте, скоро вы переплюнете всех этих мэтров, – смеется Чехов и берет с колен Синани тетрадь.

Синани тоже улыбается, радуясь доброжелательной обстановке.

Вдруг Чехов серьезно говорит:

– А знаете, сколько лет еще будут читать меня после смерти? ...Лет семь.

На лице Бунина возникает яркое недоумение. Синани тоже смотрит вопросительно на любимого литератора.

– Ну, семь с половиной, – тихо говорит Чехов, листая тетрадь, – Как хорошо написал Немирович... Вы, – смотрит он с благодарностью на Синани, – Своим активнейшим участием очень помогли здесь художественному театру.

– Я этому безгранично рад... Общение с артистическим миром для меня особая радость, а откровения Владимира Ивановича – как ладан для души... И тетрадь эта для меня – как партитура к опере...

– Вот вы и выдали себя, как незаурядного ценителя искусства, дорогой, Исаак Абрамович. А что вы по-настоящему думаете о нас, писателях? Полагаю, что не только как о тех, кто вас немного кормит от продаж произведений?

– Да что вы, Антон Павлович, я об этом никогда не думаю. От табака в лавке я получаю прибыли значительно выше.

– Ну а все-таки?

– Мне кажется, что в каждом из вас музыкант, и это происходит как-то независимо от вас самих. Вот Толстой – словно Бах, его орган бессмертен, вы, Антон Павлович, скрипач или виолончелист... Горький – пламенный трубач ...

– А Иван Алексеевич?

– Скорее он владеет фортепьяно. Даже внешне он очень похож на Рахманинова.

– Гм... Скрипач, ...право, интересно... Об остальных очень верно подмечено... Надо обязательно написать об этом рассказ, – улыбается Чехов.

– Антон Павлович, а почему вы сказали, что читать вас будут так недолго? – взглянул на него неожиданно Бунин, словно не слыша хвалебных слов.

– ...Потому, дорогой Иван Алексеевич, что я не употребляю таких слов, как «серебристая даль», «аккорд» или «на бой, на бой, в борьбу со тьмой!»... У меня мало желаемого острого сю-

жета с тривиальным счастливым завершением. В моих рассказах скорее больше малоприметного повседневного, нет широты философской мысли Толстого, а мои пьесы, думаю – немалая заслуга Станиславского... Он познакомил меня с загадками театра, мы много беседуем о сцене. Порой, мне кажется, он и направляет меня, многое внутренне подсказывает...

– Такого острого современного взгляда, как у вас, я не вижу ни у кого другого...

– Ну, уж прямо ни у кого... Я восхищен Куприным, его яркостью стиля и языка... А мой немного будничней... похож на некую журналистскую лирику, которая не всегда привлекает читателя и не очень свойственна для восприятия русского человека... Может, еще либералам по душе... Да и не вижу я большой заслуги в своих сочинениях... Вот, к примеру, свою повесть «Драма на охоте» считаю пародией на детективную бульварщину. Лев Николаевич написал бы совсем не так и даже мыслей у него таких пошлых нет... Одно слово – мелодрама...

– По мне, прекрасно все звучит и очень по-русски, Карнеев – просто душа, а его шурин Пшехоцкий – неподдельное олицетворение обывательского Запада – возражает Синани.

– Нет, слишком прямолинейная схема... немного не то, что я думаю... Кстати, Лев Николаевич только что говорил и о своих сомнениях...

– Это писательское самоедство, Антон Павлович, вы все преувеличиваете.

– Не то, Иван Алексеевич. Вот был я на Сахалине несколько месяцев... Какая силища русская, затаенная глубина характера нашего, а ведь написать мог лишь журналистские путевые заметки... нет сил отделаться от этого всеобъемлющего ощущения неповторимости России... Удастся ли когда-нибудь написать роман или повесть, не знаю... Вот и здесь, в Крыму я сердцем чувствую нашу духовную мощь, необъятную силу, ...надежду. Как же тут хорошо! А в Москве и Петербурге во всех этих патриотических призывах сквозит нарочитая фальшь...

– У нас к вину есть замечательные сладости, – словно из глухого подземелья слышит Гранин резкий голос подошедшей девушки-официанта, – Если хотите, я принесу...

Она немного встревожилась необычной позой клиента – то ли ему стало плохо, то ли его начал сковывать крепкий сон.

– Да нет, спасибо... и так сладко, – быстро возвращается он из забытья.

Девушка принесла счет, и Гранину показалось, что он заплатил непомерную сумму, но настроение его не стало от этого хуже.

Он вновь оказался на набережной и сразу заметил скульптурную композицию «Дамы с собачкой». Ей было предназначено свободное место недалеко от старинных строений перед комплексом «Villa Sofia». В центре набережной красочная композиция казалась очень облюбованной горожанами, туристами и приезжими. Все обязательно желали сделать «селфи» около нее.

Женщина в широкополой шляпе, затеняющей лицо, настаивательно объясняла сыну-подростку:

– Эта скульптура называется «Дама с собачкой и Чехов», который увидел ее здесь, в Ялте и написал знаменитый рассказ.

«Странное название памятника...» – задумался Гранин.

Ему сразу бросилось в глаза определенная несхожесть бронзовой дамы с описанным в рассказе образом. Она уверена в себе и смело смотрит вдаль, подчеркнута стройна, изящна и для женщины того времени довольно большого роста.

«По ней не скажешь, что она трудно принимает ухаживания», – невольно улыбнулся он, – «Настоящая «блондинка-барби» – мечта сегодняшних девочек, которые в 10-12 лет ходят как медвежата с рюкзаками, высоко поднимая колени и припадая назад, будто на попу».

Он сразу вспоминает слова Чехова:

«Дама невысокого роста, блондинка в берете. Рядом всегда белый шпиц. Скована несмелостью, угловатостью в ее смехе при разговоре с незнакомыми. Совсем недавно была институткой...»

Лицо Гранина проясняется, и он с удовлетворением представляет авторский образ еще юной женщины с неискушенным самолюбием нежным сердцем и совсем нерастраченною лишь привязанностью к собачке любовью.

– Совсем мало написано об окружающей южной природе, которая, несомненно, играла роль в развитии отношений, – почти

шепчет он про себя, – Но емко и предельно романтично: – «Вода была сиреневого цвета, мягкого и теплого. От луны шла золотая полоса».

– Какая красивая собачка, – слышит Гранин радостный возглас стоящего рядом ребенка.

Гранин сразу обращает внимание, что мордочка бронзовой собачки слишком агрессивна, она явно избалована и похожа на наглого современного домашнего зверька.

«У Чехова совсем не так», – оценивает он, – «Шпиц предан хозяйке без подробных характеристик».

Взгляд Гранина переходит на скульптурное изображение стройного и немного даже щеголеватого мужчину.

«Ну, это вовсе не Чехов. Он немного фатоват... Скорее, это герой рассказа, 40-летний Гуров», – рассуждает он, глядя на скульптуру знающего себе цену мужчины, облокотившегося на парапет, не сдержанно, а почти уверенно смотрящего на женщину, предвкушая победу.

Невольно всплывают в памяти строки автора:

«Дмитрий Дмитриевич изменял жене уже давно, знал, что нравится женщинам».

– Он знал даже холодных красавиц, у которых «кружева на белье казались чешуей» – невольно произносит он, – Действительно, он смотрел на Анну Сергеевну в первые дни знакомства, как на очередную жертву, а не на предмет неожиданно проснувшегося чувства.

Вспоминая слова Гурова «что-то в ней жалкое», он ясно представил, как совсем не сразу в нем вспыхнула запоздалая любовь, появилось к этой женщине что-то новое и до этого неиспытанное.

– Странный старик. Сколько можно стоять рядом со скульптурой и разговаривать с самим собой, – слышит Гранин неприятный женский голос за спиной, – Можно попросить вас немного отойти в сторону? Я хочу сфотографировать ребенка.

Гранин покорно отходит от привлекающей всеобщее внимание композиции.

«Почему людям так безразличны сами образы?» – невольно мелькает в его голове.

Он повернулся лицом к морю и продолжил свой путь по красивой просторной набережной с широкими бульварными скамейками для отдыха, но проснувшиеся мысли не отпускали его:

«Толстой написал роман «Анна Каренина», а Чехов этот рассказ – не более десятка страниц текста. А как они одинаково глубоки и тонко соприкасаются. У Чехова больше едва приметных деталей. «Ее тонкая, слабая шея» можно сказать только после интимного прикосновения. Или «от нее веяло чистотой порядочности и наивности». Казалось бы, что можно написать нового о зарождающейся любви, но тема неисчерпаема, потому как истинная суть скрыта в каждой индивидуальности. Наглядны и писательские муки в общих и одновременно разных ощущениях долгожданного обожания противоположного пола.

В одноименном фильме Баталов внешне очень близок к Чехову, его образ точен и неповторим – он радужно рассказывает другу о своем неожиданном чувстве, в трепетном ожидании в театре и гостинице. Только случайно видя себя в зеркале – «голова стала седа», он почувствовал глубокую ответственность. Во внешне спокойной Савиной скрыта мощь женского сердца, которой глубоко претит лакейство мужа. Она не смирилась с жизнью покорной провинциалки, будто ждала Гурова, и разом взрывается еще не остывшим порывом и потом уже навсегда охвачена нежными чувствами к любимому.

Диалоги кажутся скупыми, но насыщены внутреннем трепетом и душевным теплом.

У Толстого ярко выраженная драма, а у Чехова значительно сложнее: полюбившие друг друга пытаются найти выход из окутавших их жизненных «пут», но самое главное только начинается и в действительности обе стороны как бы смирились со своим положением».

«Что-нибудь придумаем», – проговаривает немолодой мужчина почти конечную фразу Чехова, продолжая бормотать про себя, – «И, возможно, они будут доживать свою жизнь отдельно друг от друга, изредка предаваясь встречам, а потом воспоминаниям, которые со временем назовут ошибкой... Любовь невозможно втиснуть в постоянную форму... Человек каждодневно меняется, а постоянство несовместимо с новыми чувствами... А как просто в природе – любви определено лишь одно время в

году... А потом страсти утихают, и лишь новый весенний взрыв сможет встряхнуть все это по-новому...»

Медленным шагом идя по набережной, Гранин изредка смотрит на тихое ласковое море и вспоминает слова одного из писем Чехова из Ялты: «Синее, нежное, как волосы невинной девушки».

Теперь поневоле глаз Гранина останавливается на других городских скульптурах.

Немного консервативный и строго в классическом стиле на постаменте памятник одному из первых архитекторов города – Его Императорского Величества академику Краснову Н. П. – оказался очень достойным.

Неожиданно перед одним из морских причалов около кафе «Апельсин» в форме каравеллы Гранин натывается на небольшую скульптуру Михаила Пуговкина.

Он сразу узнает самобытного одаренного и всеми любимого знаменитого артиста, который несколько лет жил здесь, в Ялте.

«Видимо, Михаилу Ивановичу очень нравилось сидеть на скамейке и смотреть на море именно здесь, иначе трудно понять творческую задумку скульптора» – подумал он.

Дойдя почти до конца набережной, немолодой человек решил подняться вверх по улице Гоголя.

Он видит памятник с пытливым взглядом, подходит ближе и узнает в этом облике Юлиана Семенова.

«Будто мысленно пытается определить местонахождение Янтарной комнаты или золота партии...» – застревает в его голове.

Он искренне уважал этого советского писателя политического детектива, но с неприятным чувством два дня назад посетил его дом-музей среди неприметных восточных улиц, самостоятельно организованный «на пожертвования» дочерью, ныне живущей в Париже. Это посещение входило в туристический маршрут по городу боевой славы Севастополю со святынями Херсонеса, красотами церкви Фороса и прочими православными памятниками. Немного резало ухо, когда экскурсовод совершенно надуманно подчеркивал модное сейчас противостояние талантливого писателя-журналиста прошлой власти и невольно подумал:

«Как это противно и пошло. Юлиан Семенов или Ляндрес был не раз обласкан властью, предоставившей ему немало наград и руководящих постов в издательствах и вдруг – преследования. Конечно, в каждой биографии можно найти противоречия, но не здесь. Скорее не раз озвученная в СМИ версия о связи его с КГБ более правдоподобна, так как при определенной закрытости страны ему была довольно странно предоставлена широчайшая возможность разъезжать и работать по всему миру, иметь немало именитых зарубежных друзей. Ляндрес с энтузиазмом встретил перестройку, но был против развала СССР и, в конечном счете, как и многие, остался недовольным тем, что произошло с его страной. Дочь живет не в своей стране, а работает за рубежом журналистом. Возможно, пишет, что сегодня модно и востребовано на Западе о России. Упоывая на созданный отцом обличительный рупор «Совершенно секретно», она намекает, что его якобы «устранили». Но опять не складывается – любивший внимание незаурядный журналист использовал свою последнюю трибуну с громким названием, чтобы остаться на плаву славы, не забывая и о необходимом для журналиста пиаре. И, что греха таить, в силу своего общительного характера известный писатель любил предаваться радостям жизни и среди прочего не гнушался злоупотреблением горячительными напитками. Посему вполне закономерно получил инсульт на 61-ом году жизни. Если бы дочь продолжала «борьбу» против власти, которая всегда несправедлива к слабым и менее защищенным, было бы еще понятно... Но так – просто надуманный драматический абсурд... да и что, собственно, ждать другого сегодня в мире незаслуженного обогащения и поиска известности любым путем?»

Гранину не хотелось развивать эту мысль, она уже казалась старой, как и он сам. Он поднял голову. Впереди поднималась строгая и прямая вертикаль уличной магистрали.

«И все-таки непонятно, почему здесь, в начале улицы Гоголя не поставлен памятник самому всемирно известному писателю?» – переключился он.

Слева возвышались в классическом стиле красивые старинные здания, которые занимали административные учреждения, в том числе и банк РНКБ. Поскольку строения были тщательно и недешево отреставрированы, они привлекли внимание